



ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНИЕ

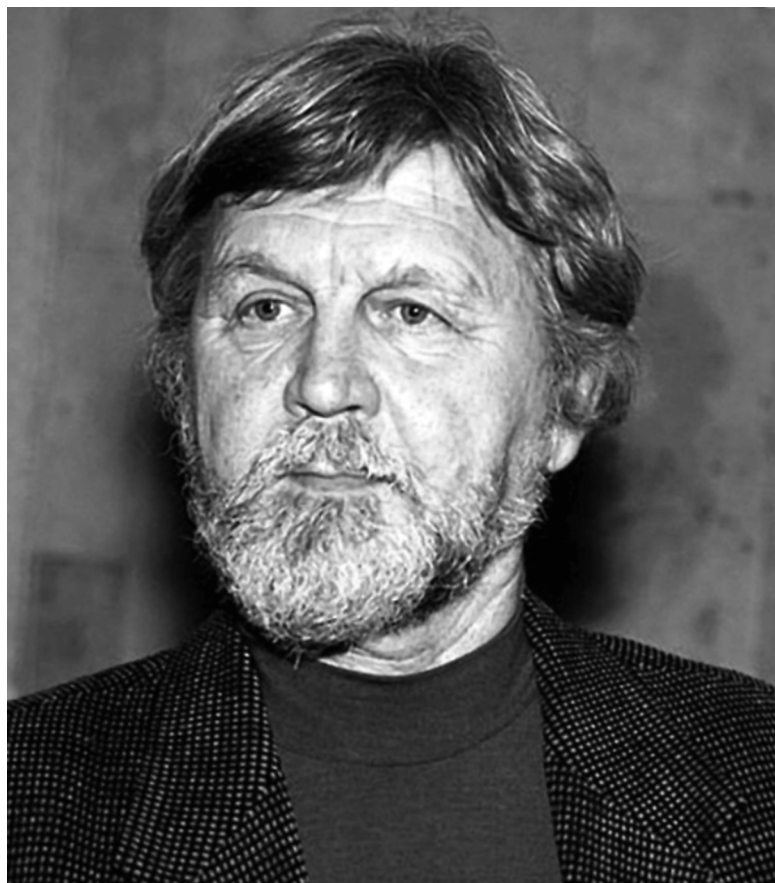
Счастливым просветителем детства стал известный русский писатель и художник Георгий Николаевич Юдин¹. Перечень его деяний и вклад в русскую культуру, в культуру детства необычайно велик. С 1961 года Юдин проиллюстрировал более 200 книг русской и зарубежной классики, многие отмечены дипломами 1-й и 2-й степени Всесоюзных и Всероссийских конкурсов «Искусство книги». В 1987 году включён в Международный почётный список Г. Х. Андерсена за иллюстрации к авторской книге «Птица Син и всадник на белом коне». Книга «Чёрная курица» А. Погорельского с его иллюстрациями, изданная на двенадцати языках, в 1986 году получила премию

¹ О нём рассказано в журнале ХиП (Художник и писатель в детской книге) от 13 апреля 2015 г. (см.: Лидия Кудрявцева о Георгии Юдине), а также в его автобиографии. http://tvkultura.ru/.../brand_id/20918/episode_id/1185706



Культурного центра Испании. За авторскую книгу «Букварёнок» в 1989 году Юдин награждён серебряной медалью на Международной книжной выставке-ярмарке «Самая красивая книга» в Лейпциге. За иллюстрации к «Былинам» удостоен диплома Академии художеств в 1993 году. В том же году избран вице-президентом Совета по детской и юношеской книге России при Российском фонде культуры. В 1995 году Юдин был награждён Патриархом всея Руси Алексием II орденом Преподобного Сергия Радонежского. За книгу «Смиренный воин» имеет Всероссийскую премию по детской литературе имени Л. Н. Толстого. В 1997 году получил Международную премию имени Кирилла и Мефодия за книги по духовному воспитанию детей и юношества. Начиная с 2007 года в издательстве «Белый город» вышли пять уникальных по изобразительному материалу и содержанию томов: «Святой таинственный Афон», «Хождения на Святую Землю», «Сокровенная Каппадокия», «Царьград» и «Душа России», где Георгий Юдин выступает как автор текста, фотограф и дизайнер. Эти книги завоевали первые места на Международном конкурсе Издательского Совета Русской Православной Церкви «Просвещение через книгу», а «Каппадокия» — Гран-при. Юдин — лауреат Международной литературной премии «Облака» — 2007 за серию книг «Божий мир». Его иллюстрации к повести «Левша» Н. С. Лескова и «Приключениям капитана Врунгеля» А. С. Некрасова





1943–2022



приобретены Государственной Третьяковской галереей... Вот как Георгий Николаевич Юдин, писатель и художник, вспоминает о своем творческом пути.

«Грустно началось моё детство. 1943 год — среди-на страшной войны, дети почти не рождаются, но мои родители так любили друг друга, так верили в Победу, что назло Гитлеру явили меня миру. Прошло всего пять лет, когда мирно спящий Ашхабад за несколько минут был полностью уничтожен ужасным девяти-балльным землетрясением. В ту ночь погибло 130 тысяч человек, в том числе мой отец и сестра. И только благодаря маме, которая меня, пятилетнего мальчика, закрыла собой от падающей крыши, я словно бы родился второй раз.

От пережитого я на целый год превратился в съевшегося, не улыбающегося старичка. Засыпая в наспех сколоченной из чего попало временке, я подолгу смотрел на висящую передо мной чудом уцелевшую наивную, как я сейчас понимаю, картину на стекле, на которой возле озера стояли две берёзки, а над водой с кувшинками неслышно летели две утки. Я погружался в тот сказочный, добрый мир, в котором не содрогалась земля, не кричали задавленные люди, не носились по вздымающейся земле обезумевшие от ужаса убежавшие из зоопарка львы и жирафы, и тихо засыпал под стук капель, падающих с протекающего потолка в тазы, кастрюли и железные миски. Это детское впечатление помогло мне впоследствии,





когда я задумывал и долго работал над литографиями к своей любимой книге “Чёрная курица” Погорельского. Ведь и Алёша — герой этой книги, оставленный родителями в чужом, враждебном ему пансионе, — чувствовал себя лишённым любви и заботы маленьким одиноким существом. Вот тогда-то и появилась в его жизни таинственная подземная страна, населённая удивительным, благородным, великодушным народом.

Отсюда и появилось драматургическое и цветковое решение оформления книги: всё, что происходит на земле, в пансионе — строго, неэмоционально, бесцветно. Но как только Алёша оказывается в сказке, мир оживает, становится радостным, цветным, наполняется звуками, запахами, фантастическими растениями, животными и живущими в гармонии с ними маленькими, добрыми человечками. Но это позже, а пока, оставаясь жить в Ашхабаде, я, окончив железнодорожный техникум, ибо учиться там было больше негде, был призван на три года в Советскую армию, где командовал взводом, и ночами, почувствовав неведомо откуда явившееся желание рисовать (возможно, от деда-священника, игравшего в деревне на скрипке и читавшего Шекспира), рисовал боевые стенгазеты, которые завоёвывали грамоты на разных армейских конкурсах.

Вот с таким багажом, не имея за плечами никакого художественного образования, я в пилотке и гимнастёрке, смело и решительно (ведь у меня столько полковых





наград за стенгазеты!), попытался поступить в Московский полиграфический институт на художественный факультет. Как же я был удивлён, что и по рисунку, и по живописи ничего не понимающие «дядьки профессора» поставили мне двойки. А ведь я так красиво растушёвывал пальцем рисунки! Куда идти? Не в Ашхабад же ехать непризнанному художнику! И тут на улице в глаза бросилось объявление: «На стройку требуются маляры. Предоставляется общежитие».

Маляр — тот же художник, решил я и, бесстрашно, в той же гимнастёрке, устроился в женскую малярную бригаду. Не знали бедные труженицы кисти и шпателя, получавшие зарплату сдельно, кого берут! Ведь вместо десяти окрашенных полов я успевал за день покрасить только два, ибо, когда ступал с ведром яркого сурика и широкой кистью на свежеструганный деревянный пол, я видел перед собой не пол, а огромный нежно-охристый холст, на котором с упоением, забывая о плане, начинал рисовать. Стоит ли говорить, что и здесь не оценили моего дарования, но бригадир, видимо из материнского сострадания, год терпела и не выгоняла меня. Наверное, чувствовала, что из меня, единственного со всей стройки непьющего мужика, может выйти толк. Шесть домов, между прочим, подарил счастливым москвичам, а вечером ходил в «Полиграф» на подготовительные курсы. В результате в 1961 году, на удивление тех самых «дядек профессоров», зарубивших меня в первый раз,





я успешно поступил в институт. До сих пор помню, какая это была радость! Меня распирало от восторга, я любил всех этих прекрасных, красивых, добрых людей, наконец поверивших в меня и допустивших в свой чудный, волшебный мир художников. Целый год днём я работал маляром. Учился с упоением. Не пропустил ни одной лекции, вместо одного задания по композиции делал по три-четыре, а после лекций обязательно вместо весёлых походов с сокурсниками пить пиво ходил по библиотекам, выставкам и музеям, жадно впитывая всё то, что они, московские мальчишки, знали с детства.

Оказалось, что в мире существуют не пять художников, которых я тогда знал, а сотни! Кроме любимых, понятных и простых Шишкина, Репина и Айвазовского творили непостижимые, запрещённые в СССР импрессионисты, кубисты и сюрреалисты, которых мы тайно разглядывали на открытках. В литературе помимо Горького и Шолохова, оказывается, существовали экзистенциализм и театр абсурда. Но самое главное — только что опубликованный сумасшедший роман Булгакова! Я был потрясён его “Мастером и Маргаритой”, его фантазией, запретной божественной темой и необыкновенным словом. Каждая фраза, каждое предложение несли в себе мощный талант, упругую, наполненную жизнью силу настоящего художника. Слова под его пером начинали трепетать,





звенеть, звучать по-новому, поражая своей необычной окраской и смыслом...

По окончании института в 1967 году меня, как одного из лучших выпускников, позвали в экспериментальную лабораторию, созданную Волей Николаевичем Ляховым при кафедре ХТОПП, где придумывались учебники будущего. Но длилась эта научная работа недолго. В то время я иллюстрировал одну из первых своих книг — “Человек-амфибия”. Иллюстрации к ней были замечены кинорежиссёром, и я был приглашён на Одесскую киностудию художником-постановщиком трёхсерийного фильма “Капитан Немо”. Ни минуты не сомневаясь, что с этим совершенно новым для меня делом я справлюсь, с головой окунулся в удивительный, ни на что не похожий мир. Мне было всё интересно, я даже сыграл небольшую роль, и больше того, как режиссёр придумал несколько сцен, которые вошли в фильм, идущий до сих пор по телевизору. Там же был снят следующий фильм — “Красные дипкурьеры” с моим участием.

По вечерам еле живой от сложнейших съёмок садился придумывать свою первую авторскую книгу “Букварёнок”. В то время у меня уже были две дочери Аня и Даша, и начались муки под названием “Папа, почитай сказку!”. И я, с тоской думая о незаконченных иллюстрациях к “Чёрной курице”, наверное, в сотый раз начинал пересказывать этим ненасытным учителям про Ивана-царевича с лягушкой, про козу





рогатую да про кота усатого и обязательно про нехорошую рыжую девочку Машу, которую Серый волк утащил в страшный лес потому, что она не давала папе рисовать книги и зарабатывать деньги. Мои намёки их не пугали, наоборот, они придумывали свои продолжения о том, как эта рыжая bestия Маша ловко “сделала волку сонный укол, вырвалась из его страшных ногтей” и радостно прибежала домой домучивать несчастного отца. “Когда же это кончится? — стонал я. — Когда вы научитесь читать сами?” — “А ты научи!!” — радостно вопили они. “Нас очень много”, — с тоской думал я о миллионах молодых родителей, которых дети заставляют читать сказки и не дают работать и отдыхать. Вот тогда-то я после съёмки фильма и написал свою первую книгу “Букварёнок”, по которой дети, почти без помощи родителей, могут научиться читать уже с четырёх лет. С тех пор “Букварёнок” двадцать восемь раз переиздавался, и тысячи детей учились по нему читать.

Аня с Дашей росли и в один прекраснейший день явились ко мне с неожиданным для всех родителей вопросом: “Папа, откуда берутся дети?” “Нас слишком много”, — с тоской думал я о бедных родителях, которые не знают, что ответить на это пытливым чадам. Пришлось прочитать много научных книг по анатомии, биологии, чтобы потом все эти знания перевести на детский язык. Я был просто потрясён прочитанным. Мне хотелось бегать по улицам, размахивать руками и, не боясь показаться сумасшедшим, орать: “Люди!





Каждый из нас чудо!” Я так и назвал книгу — “Главное чудо света”. О том, в какое время была написана эта книга, в которой я впервые в СССР рассказывал, что детей не в капусте находят, а рождает любимая мама, можно себе представить из следующей истории.

Прихожу в издательство, редактор, недобро глянув на меня, произнёс: “Ваша рукопись прочитана. — Сердце моё покатилося вниз от предчувствия беды. — В главе “Как стать гением” вы рассказываете о Леонардо да Винчи, Пушкине, Ломоносове и ничего ещё об одном гении! Не догадываетесь, о ком идёт речь?” — “Нет”, — честно глядя редактору в глаза, говорю я. “Вы забыли о Владимире Ильиче Ленине! Но это ещё не всё, — зловеще листая рукопись, продолжает редактор, — в главе о возможностях человека вы пишете, что Лев Толстой в свои 80 лет был так силён, что одной рукой мог за шиворот поднять дворового!” — “Но это правда! — горячусь я. — Хотите я принесу доказательства?” — “Нет, вы меня совсем не понимаете, — медленно поднимаясь из-за стола, страшным голосом говорит редактор, — а ведь это намёк на то, что Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза товарищ Леонид Ильич Брежнев в свои годы этого сделать не может!” Конечно, ради того, чтобы вышла книга, я мог бы вставить в нее и Ленина, и польстить немощному Брежневу, и всему Политбюро вместе взятому. Но как потом жить с такой стыдобницей?! Я предпочёл забрать





рукопись, в результате чего книга вышла только через семь лет в другом издательстве».

Книга издаётся до сих пор, и вот что о ней думают читатели:

«Я – ребёнок, выросший на книге “Главное чудо света”. Читала её сама не отрываясь, жадно изучая картинки. Я прочла её всю и перечитывала, как только снова приезжала к бабушке, где она хранилась. Уже в пятилетнем возрасте эта книга сформировала мою картину мира и моё мировоззрение, не побоюсь громкости таких слов. И представления о человеке, и об отношениях между людьми, и привычка не верить на слово, а искать доказательства и объяснения фактам, начиная с некоторых из тех, что упомянуты в этой книге, и чувство прекрасного, и понимание связей между очевидным и скрытым, и адекватное отношение к любым физическим проявлениям человека и явлениям природы, и чёткое осознание того, что все эти механизмы нужны для чего-то важного и чудесного — иначе бы их просто не было... всё это осталось в моей голове во многом благодаря “Главному чуду света”. Многие впечатления живы до сих пор. Честно говоря, я не знаю, кем бы я была, если бы не эта книга».

И вот ещё воспоминания Георгия Николаевича о своей творческой жизни:

«Прошло ещё два года, и моих детей, и других тоже нужно было обучить арифметике, но не нудно, как в школе, а интересно и весело. Появилась





“Заниматика”, где все цифры были не скучными закорючками, а живыми существами со своей удивительно интересной историей. Взрослели мои дети, выросли и темы книг, которые я писал и рисовал. Теперь, когда я узнал от мамы, что дед мой был не только сельским учителем, но священником, я крестился и вскоре отчётливо осознал своё предназначение, своё главное дело жизни: я должен писать и рисовать книги, которые наполняли бы души людей духовным светом веры и вели бы их к Богу, без Которого нет жизни. Когда я готовился к работе над большими книгами-альбомами “Святой таинственный Афон”, “Хождения на Святую Землю”, “Сокровенная Каппадокия”, “Царьград” и “Душа России”, мне довелось посетить немало святых мест. Влезал на высоченные горы, где Моисей получил скрижали от Бога, спускался в 28-этажные подземные города Каппадокии, летал над ней на воздушном шаре, на Афоне припадал к величайшим святыням, которые редко кто видел. Даже при всей моей фанатичной работоспособности сделать пять огромных книг за пять лет фактически в одиночку невозможно. Только явная помощь Бога, которую я постоянно ощущал во время работы, помогла мне.

Спасибо Тебе, Господи, за всё».





ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ И
ТРИ ГОДА

ПОВЕСТЬ
О СВЯТОМ ИЛЪЕ МУРОМЦЕ





СВ. ИЛЪЯ
МУРОМЕЦ



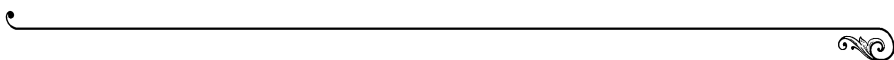
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ



Боже Святы́й! Как светло Ты преобразился и высоко вознёсся в таинственное лазоревое небо! Не видим Тебя, недостойны мы этого при жизни. Ты же, Господи, видишь нас всех сразу и каждого в отдельности, и не скрыться нам никуда от Твоих очей со своими пороками: завистью, тщеславием, сребролюбием, злословием, скукой, пьянством, возношением одного народа над другим, беспамятством и равнодушием к прошлому России и к своим праотцам.

Прошлое же Руси такое славное, чудесное, святое, но и ужасно кровавое в то же время, что иноземцы, знавшие нашу историю, говорили: все мы дикие варвары и предсказать наши деяния и помыслы никто, даже Господь Бог, не может.

Но мы-то знаем, Господи, всё, что ни творим здесь: доброе или злое, талантливое или бездарное, вечное или тленное, — обо всём ведаешь Ты. Дела





и пути Твои неисповедимы и недоступны нам, поэтому мы не можем предвидеть не только будущее России, но и объяснить её прошлое.

Кто, например, скажет, почему одни земли рождают десятки святых, а другие во многие века ни одного? Вот и того, что в одном только маленьком древнем городе Муроме, что уже более тысячи лет аленьким цветочком цветёт на высоком зелёном берегу красавицы Оки, было девять русских святых, — никто объяснить не может.

Из двух первых на Руси святых — Бориса и Глеба, жестоко убитых их братом, злокозненным Святополком, молодой Глеб княжил в Муроме.

Кто не слышал о могучем Илье Муромце, но мало кто знает, что он не выдуманный сказочный чудо-богатырь, а живший в XII веке славный защитник Руси, святые мощи которого до сих пор покоятся в Киево-Печерском монастыре.

Правил Муромом святой благоверный князь Константин и сыновья его Фёдор и Михаил, служил там праведный епископ Василий, тихо и целомудренно жила блаженная Иулиания и, наконец, самые чудесные муромские святые — князь Пётр и жена его Феврония.

Не дай же, Господи, и в будущие века оскудеть России славными именами, пошли городу Мурому славу, а всему миру радость.



ПОВЕСТЬ О СВЯТОМ ИЛЪЕ МУРОМЦЕ



**Лето 6508-е от сотворения мира,
год 1010-й от Рождества Христова**

«**В**еликий князь Киевский Владимир, креститель Руси, дабы укрепить свою власть и величие по всей Русской земле, повелел двенадцати сыновьям своим сесть князьями в двенадцати великих городах. Князю Борису отдал Ростов, а князю Глебу град Муром.

И когда пришёл Глеб ко граду Мурому, то неверные и жестокие язычники, жившие там, не приняли его к себе на княжение и не крестились, а сопротивлялись ему. Он же, не гневясь на них, отъехал от города на реку Ишню и там пребывал.

По смерти же великого князя Владимира в лето 6523-е (год 1015-й) на княжение в Киеве не по чину





сел окаянный Святополк, пасынок Владимира. В тот же день диавол, исконный враг всего доброго, вселился в Святополка и внушил ему перебить всех братьев, всех наследников отца своего.

Отверз Святополк скверные уста и вскричал злобным голосом своей дружине: “Идите тайно и, где встретите брата моего Бориса, убейте его!”

И они обещали ему и, найдя князя Бориса в своём стане на реке Альте, ворвались в шатёр и безжалостно пронзили тело святого копьями.

Поганый же змей, злосмрадный сатана, стал подстрекать окаянного Святополка на большее злодеяние. И послал Святополк своих слуг, безжалостных убийц, к юному князю Глебу, и, как ни молил князь не губить его безвинной жизни, были они глухи.

Тогда, преклонив колена, взглянул Глеб на убийц со слезами и кротко молвил: “Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы”.

И по приказу треклятого Горясера повар Глебов, по имени Торчин, выхватил нож и блаженного зарезал, как агнца непорочного и невинного.

Было это в 5-й день месяца сентября».



Злосмрадный змей, от Адама и Евы чинящий зло людям, учуял своим поганым нутром, что под





древним городом Муромом, в селе Карачарове, у простых родителей родился чудо-мальчик, будущий сильно могучий богатырь Илья Муромец.

Затрепетал, затрясся змей, завертелся от страха на своём свернутом в кольца хвосте. Ведь силой, данной ему самим сатаной, мог он видеть вперёд, через многие годы, что малец этот родился ему на погибель.

— Изведу-у-у!! Огнём спалю-ю-ю! Пепел в лапе сожму и над пучиной морской развею-ю-ю! — завывал от ужаса и злобы поганый змей, когда со свистом мчался по небу к Мурому.

Муромский люд, в язычестве живущий, боязливо косился на мрачное небо и испуганно бормотал:

— Эка туча невиданна, страшна, сиза и огромна наш град под себя подминает. Заслони нас, Стрибог, от Перуновых огненных стрел! — И, по избам топоча лаптями, зайцами упрыгали.

Немногие же христиане Бога о пощаде молили, и услышал Господь их молитву. Зарокотал с небес и обрушил на землю такой страшный, тяжкий гром, что из Оки рыбацкие ладьи на берег выбросило. И тотчас синие молнии ярко вспыхнули и затрепетали в мрачной утробе тучи. То Божии Ангелы с гневом на диавола глянули.

Муромский народ с перепугу окна-двери наглухо захлопнул, на дубовые засовы ворота заложил,





порожние вёдра, бадьи и горшки вверх дном перевернул, чтобы в них черти от Божия гнева не юркнули.

А младенца Илюши изба незатворенной осталась. Отец на покосе был, а мать пелёнки в Оке полоскала и видела, как горячие, сверкающие молнии разорвали зловещую тучу на тысячи кусков и один сгусток тьмы пал вниз и чёрным вороном стремительно влетел в открытую избу.

Охнула Ефросинья, уронила в реку полосканье и, не чуя под собой ног, побежала к дому, а из горницы, чуть не опрокинув её наземь, злосмрадный змей с шумом вон вылетел.

Дрожащими от страха руками схватилась Ефросинья за зыбку и увидела, что нет в ней Илюши, а лежит он на полу в вышитой рубашонке живой, но неподвижный и белый как мел...

С той поры, как испортил Илью поганый змей, отнялись у него руки и ноги, и не мог он ни ходить, ни лёгкой работы рукам дать, а только сидел на лавке и с великой тоской молча в пол глядел.

В первые годы матушка с батюшкой чем только его ни лечили, какими травами горькими ни поили, а всё напрасно. Чёрными ночами на коленях молила Ефросинья молчаливого Бога:

— Боже! Создатель всех тварей, Ты содеял меня достойной быть матерью семейства. Благость





Твоя даровала мне сына, и я дерзаю сказать: «Он Твой, Господи!», потому что Ты даровал ему бытие и оживотворил его душою бессмертною. Судья Праведный, наказывающий детей за грехи родителей до третьего и четвёртого рода, отврати такую кару от сына моего, не наказывай его за грехи мои, но окропи его росой благодати и святости. Карай его, но и милуй, направляй на путь, благоудный Тебе, но не отвергай его от лица Твоего! Да ходит Ангел Твой с ним и сохранит его от всякого несчастья.

А однажды, отчаявшись и Бога-заступника забыв, привела ночью в избу столетнего колдуна-волхва. Люди боязливо о нём говорили, что он не только лечит, но и порчу навести может.

Пришёл ведун, позвякивая медными оберегами на груди, сумрачно, из-под нависших бровей глянул на бледную от страха Ефросинью и, ни слова не говоря, стал раскладывать на полу вокруг Илюшиной зыбки сушёных лягушек, ящериц, белые волчьи зубы, пахнущие сладким дурманом сухие травы и тайные, волшебные порошки в чёрных мешочках.

Потом достал из-за пазухи жёлтую куриную лапку и, стуча ею по тёмным бревнам избы, забормотал страшные заклинания, от которых две чёрные свечи на столе то внезапно вспыхивали, то вдруг гасли.





— Силою, мне данной самим Стрибогом, отыди, чёрная немочь, язва, порча, свербица, трясовица, от дому сего! Силою, мне данной Дажьбогом, отыди, язва, порча, губительство, от дверей и от всех четырёх углов! Нет вам здесь чести, места и покою! Выползайте из всех щелей дома этого и из тела младенца, смертоносные язвы, губительная ворожба и злая порча, и бегите отсюда в болотные топи, где ваш настоящий приют, и сгнить вам там и назад не воротиться!!

И так ведун распалился — в трясучку впал.

Белыми бельмами в темноте, как филин ночной, сверкает, зубами клацает и плюется во все углы.

У Ефросиньи от страха спина деревянной стала, и чудится ей, что и впрямь из всех щелей, извиваясь по-змеиному, какая-то скользкая нечисть повывлазила. От ужаса шевельнуться не может, но, когда осатаневший дед стал к Илюшеньке, завывая, подсакивать, опомнилась, выхватила мальчика из зыбки, выскочила в ночь и, не разбирая дороги, к тихой, доброй Оке побежала.

До самого рассвета, прижав к себе сына, ходила она взад и вперёд по берегу, вздрагивая и поёживаясь от пережитого страха и ночного хлада. Когда же на взгорке диак в било ударил, перекрестилась и понесла сына в маленькую деревянную церковку.





Здесь, на слёзной исповеди, всё без утайки отцу Власию поведала. Он же сокрушённо качал головой, тяжело вздыхал и, крестясь, восклицал:

— Господи, грех-то какой! Да кто дал волхвам власть изгонять нечистого духа? Ведь это делал только Иисус Христос Своим словом и те, кого Он на это сподобил.

— Да ведь он, батюшка, какие-то особые молитвы шептал, сама слышала, — всхлипывала несчастная мать.

— Вот-вот! Молитвы ведунов — не молитвы вовсе, а кощунство. Молитвы у нас все в церковных книгах записаны, а особых молитв нет. До каких же пор в язычестве пребывать будете? Худо, худо живёте, не ведаете Божеских книг и оттого не содрогаетесь. А вот ежели плясцы и гудцы зовут на игрище, то все туда бегут радуясь и весь тот день стоят там позорясь. Когда же зову вас в церковь, вы зеваете, чешетесь, потягиваетесь и речёте: «дождь» или «студёно». А на позорищах и дождь, и ветер, и метель, но все радуются. В церкви же и сухо, и безветрие, а не идёте, лёнитесь.

Потом вздохнул и всем немногим, кто был в церкви, простил ведомые и неведомые грехи, а к Илюшиным губам осторожно крест приложил.





Эх, летят годки быстрыми птицами, кому в радость, а кому в тягость. Двадцатый год уж Илья сиднем в избе на лавке сидит.

А хорош-то собой, а в плечах могуч — любо-дорого поглядеть, но от немощных ног своих на весь белый свет осерчал. Слова лишнего из него не вытянешь, «да» и «нет» на все матушкины разговоры сквозь зубы еле вымолвит и опять сумрачно в угол уставится и глядит не мигая, будто там его беда затаилась.

Особенно невмоготу ему было, когда зимой, на Масленицу, буйные молодцы с другого берега Оки скатывались с муромскими на кулачках биться. С весёлым хохотом всегда муромских били и с обидным свистом долго гнали по скользкому льду.

— Э-эх! Нет у наших ребят бойца-надёжи, опять, как щенят, пораскидали, — в сердцах бросал шапку об пол отец.

А Илья в своём углу каменным делался, будто ему шапку в лицо с укором бросили.

Сам-то Иван Тимофеич в молодые годы ровни себе по удали не знал. Одной рукой молодец на снег сучать укладывал. Думал, и сын «надёжей» будет людям в ратном деле, а ему в трудном хозяйстве, да проклятый змей поперёк его мечты разлётся.

А на эту Масленицу ещё одна беда, как тяжкий воз с камнями, на Илью опрокинулась.





Приходила к ним иногда тихая, застенчивая девочка Улита. Такая ласковая была: то сладкой земляники Илюше из лесу в лопушке принесёт, то орехов, а то просто так придёт и скажет ему чисто по-детски:

— Я тебя, Илюша, жалеть пришла.

— Ну жалей, жалей, — усмехнётся Илья.

А Улита сядет рядом с ним на лавку, голову рукой по-бабьи подопрёт, губы подождёт и молчит горестно. Илюшу жалеет. Потом встанет и скажет серьёзно-серьёзно, с верой:

— Дай тебе Бог здоровья и силушки, Илюша, — и степенно, до самой земли ему в пояс поклонится.

А косица-то её толстая всегда, как на грех, со спины через голову перекидывается и хлоп об пол!

Всю серьёзность портила.

Всегда после Улиты Илюшина душа, будто от тёплого солнышка, оттаивала, и не заметил, как стал ждать, когда ещё Улита жалеть придёт. Когда же она из девочки девушкой статной неожиданно стала, чуть не выл от тоски, бедный.

Ну вот, а на эту Масленицу пришли отец с матерью с шумного уличного веселья румяные, все в снегу и с порога Илюше, словно обухом по лбу:

— Слышал? Улита наша под венец нынче идёт!

— Какая Улита? — не понял Илья.





— Да какая ж ещё? Аль забыл, кто тебе землянику в лопушке приносил?

— А... жених кто? — глухо спросил Илья.

— Да с того берега какой-то. Говорят, рыжий да конопатый, будто клопами засиженный. Одно слово — непутёвый. Да они там все такие.

— Кто ж меня теперь жалеть-то будет? — чуть слышно прошептал Илья.

— Как — кто? — ахнула мать. — А мы с отцом не в счёт? А Господь? Он всех любит.

— Как же, «любит»!! — взревел вдруг Илья так страшно, что батюшка с матушкой, будто громом поражённые, на пол повалились. — Если Он меня так любит, за что же наказывает?! Двадцать лет я колода колодой! За какие грехи?! Если же Он без вины надо мной потешается, то и я Его из души вон вырву.

И тут, безумец, бесом ослеплённый, рванул с себя крест нательный и что есть мочи в дверь швырнул.

Испуганной ласточкой метнулся медный крестик с порванной бечёвкой и у самой двери вдруг замер в воздухе. Илья от этого чуда будто немой сделался — рот разевает, а слова в горле стоят. Оглянулся беспомощно на родителей своих, а они, сердешные, тихо, не шевелясь на досках лежат, будто спящие.

— Ах, Илья, Илья! Вот до чего ты в печали своей дошёл, — вдруг невесть откуда раздался тихий голос.





— Кто здесь? — вздрогнул Илья.

И тотчас в том месте, где его крестик неподвижно застыл, воздух стал нежно-белым, как облачко на небе, а из облачка этого мягко шагнул к Илье чудный, светлый образом незнакомец. Высокий, стройный, лицо молодое, безусое ещё и нежное, будто девичье. Глаза тёмные, глубокие и печальные-печальные. Такие только у святых на иконах бывают да у великих страдальцев.

«Как же он сквозь запертую дверь-то прошёл? — молнией пронеслось в голове у Ильи. — А на шапке-то ни снежинки, а ведь метёт на дворе!»

И в самом деле, на чёрной княжеской шапке незнакомца, отороченной чёрной лисой, вместо снега искрились жемчужные узорочья. И на золотой княжеской мантии, наброшенной поверх багряного, цвета крови кафтана, снега тоже не было.

«Что за наваждение? — оторопело подумал Илья. — Да кто ж это такой?»

— Я князь Глеб, — тихо молвил гость, — сын великого князя Владимира.

— Да быть того не может! Уже сто лет минуло, как Глеба Святополк окаянный убил!

Молодой князь отвёл левую руку с груди, и увидел Илья прямо под его сердцем страшную, смертную рану от широкого ножа.





— Ну, теперь веришь ли? — печально спросил мученик. — Видишь — убит я братом своим, но милостью Божией вечной жизни удостоен и с тобой говорить могу.

— Да как же это? — поразился Илья. — Да за что мне милость такая — со святым говорить?!

— Трудно тебе, укрепить тебя пришёл... Знаешь ли ты, что твоё имя значит? Крепость Божия! А какая же ты крепость, ежели унынию поддался? Тяжкая это болезнь, начало злоумия. Вот уж и Бога корил.

— Да, корил, — набычился Илья, — и тебя вот, князь, спросить хочу. Ответь мне, если знаешь: за что меня Господь калекой сделал и к лавке пригвоздил?

— Никто не знает и никому не дано знать, почему Господь посылает ту или иную скорбь и несчастье, но думаю, что они посылаются по грехам нашим.

— Да какие же у меня, младенца, молоко ещё сосущего, грехи были?! — сжав кулаки, гневно крикнул Илья.

Князь долго и внимательно посмотрел на него и тихо сказал:

— Быть может, Бог тебя от несотворённых грехов спасает. Видно, не на пользу было бы тебе здоровье.

— Каких таких несотворённых грехов?!

— Вспомни, как ты, будто котёл со смолой кипящей, клокотал, когда левобережные молодцы





муромских на Оке били? Была бы в твоих руках и ногах сила, ты бы, долго не раздумывая, сколько жизней почём зря загубил?

Илья сумрачно глянул на свои пудовые кулаки.

— А сегодня, — мягко продолжал Глеб, — что ты подумал о женихе Улиты?

— Я бы его, сморчка, если б здоров был, по самые конопатые уши в землю вбил, — тяжело вздохнул Илья.

— Вот и ещё одну невинную душу загубил бы. Говорю тебе: в ком злоба и ярость — там прибежище сатаны, а в ком любовь, надежда и вера, в том Христос живёт. К тому лукавый не прикоснётся. — Утишился Илья, молчит. — Не унывай много, — улыбнулся Глеб, — и наказания Господня не отвергай и не тяготись обличением Его. Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит тому, как отец к сыну своему.

Поднял Илья мокрое от слёз лицо, шепчет горестно:

— Нет мне теперь пощады от Него... Ведь увидел Он сверху, сквозь крышу, как я крест с груди сорвал...

— Милость Бога бесконечна. Апостол Пётр трижды от Него отрекался, но плакал горько, раскаялся и прощён был. И сейчас Христос невидимо стоит пред тобой и видит слёзы твои. Знай, прощён ты, и вот знак тому.





Раскрыл ладонь, и к Илье тихо, словно перо по воде, поплыл медный крестик, бесшумно скользнул за ворот холщовой рубахи, а порванная бечева сама собой новым узлом завязалась.

Торопливо, будто щитом, накрыл Илья широкой ладонью маленький тёплый крестик, а князь ласково сказал:

— Помни, Илья, что ты — Крепость Божия, а по-сему верь и молись, и обязательно услышит тебя Господь, и исцелён будешь.

«А когда?» — простодушно хотел было спросить Илья, но вместо князя опять белоснежное облачко закрубилося и медленно растаяло...

Долго неподвижно глядел перед собой Илья, и глаза его уже были не тоскливые, как болотные топи, а как родники чистые, а мысли высоко в зимнем небе белыми-белыми голубями летали.

Когда же очнулся и глянул на родителей своих, понял, что не видели и не слышали они этого чуда, а лежат себе на полу, как во сне.

— А чего это вы, родимые, посреди избы разлеглись? — улыбнулся Илья.

Открыли они глаза, моргают, как спросонья.

— Да сами, Илюшенька, не знаем... Упали чего-то и лежим вот себе, будто дурни праздные, —





задумчиво поглаживает бороду Иван Тимофеич и на жену искоса хитро щурится.

А она вдруг молодкой зарделась, прыснула, и давай оба, на полу лёжа, хохотать и локтями друг дружку подталкивать. Илья, на них глядя, первый раз за двадцать лет так громовидно хохотал, что в самую преисподнюю смех его ворвался и окаянного змея будто кипятком ошпарил.

Когда гордая воля больного, озлобленного Ильи пала и смирилась душа его перед Христом, понял он, что должен безропотно нести крест недуга своего. Никто более не слышал от него ни слова упрека, никто более не видел сумрачного взгляда.

Не только Илья и родители его в терпении своём очищались духом, но и многие другие как в Муроме, так и окрест, глядя на них, учились терпеть скорби.

Раньше, когда не спалось Илье, сидел он, опустив голову на грудь, а в голове этой ворочались тяжёлые, тоскливые мысли о своей бесполезной и никому не нужной жизни: «Мухи и те нужны, чтоб воробьи да синицы кормились, а я — только чтоб хлеб в навоз перемалывать».

Сейчас же, когда сон не шёл к нему, глядел с любопытством в ночное оконце и уж не о себе горестно думал, а обо всём огромном Божиим мире: «День землёй красен, а ночь — небом. Красота-то какая!





И впрямь небо — терем Божий, а звёзды — окна его. Из них небось сейчас Ангелы выглядывают и подмечают, кто чего здесь творит, и перед Господом за каждого ответ держат. И мой где-нибудь в сторонке стоит...»

И незаметно для себя начинал тихонько молиться:

— Ангел мой Хранитель, данный мне от Бога в охранение, внуши мне удаление от скуки и уныния, да не внемлю я гнилым беседам, да не послушаю людей пустых, да не совратят меня с пути дурные примеры и безумные помыслы...

И будто младенец, спокойно, с чистой душой засыпая, думал: «Эх, кабы все православные знали, как ночная молитва легко на небо долетает, не храпели бы сейчас по лавкам. Днём-то ведь сколько тыщ молитв, толкаясь, к Богу летят!»



А за семьсот лет до Ильи святитель Златоуст так об этом сказал:

«Встань ночью и посмотри на ход звёзд, на глубокую тишину, на великое безмолвие и удивляйся делам Господа твоего. Тогда душа бывает легче и бодрее и может воспарять и возноситься горé. Самый мрак и совершенное безмолвие много располагают





к умилению. Преклони же колена, воздохни и моли Господа твоего быть милостивым к тебе. Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдохновения делаешь временем плача».



И днём Илья не переставал удивляться: как же он раньше-то не замечал вокруг столько красоты? И чем пристальней и любопытней разглядывал он Божий мир, тем радостней и интересней было жить в нём.

Как-то постепенно перестал сравнивать себя с мёртвой колодой, а всё больше с маленьким, живым листиком среди тысяч других из густой зелёной кроны скромного, но крепкого дерева именем Русь.

Круглый год, изо дня в день, русичи, живущие плодами доброй, тёплой земли, внимательно, как послушные дети, слушали и запоминали всё, чему учила их заботливая Мать-природа.

А учила она их вот чему.

В декабре, когда холодная зима, встав на ноги, белым волком носилась по миру и мертвила его своими стылыми, острыми зубами, надо было подмечать: много ли зима инею насыпала, высоки ли





сугробы надула, глубоко ли землю проморозила — всё это к урожаю. Если же в конце декабря небо звездисто — народится много телят, ягнят, жеребят, ягод и гороху.

Но как бы зима ни лютовала, ни стучала ледяной палкой по крышам, на Светлое Рождество Христова зажигались в домах свечи, и людские души от бед оттаивали.

В феврале, после зимнего солнцеворота, солнышко начинает мало-помалу осиливать зимних духов и прибавлять день на куриный шаг.

— Бокогрей пришёл, — жмурится на солнышко матушка, — корове бок нагрел.

Март-свистун ветряной откуда подует, оттуда всё лето дуть будет. Теперь надо горластых грачей ждать. Если полетят они прямо на гнёзда — дружная весна будет.

— Глянь-ка, Илюша, святые ласточки домой воротились, — перекрестилась Ефросинья.

— А почему святые-то?

— Разве не знаешь? Божия это птица. Где она поселится, тому дому благословение и счастье.

— А наша изба им ни разу не глянулась... Может, на этот раз погостят?

Но и в эту весну не для каждой избы Господь ласточек послал.





А вот уж апрель — зажги снега, заиграй вражки — сипит да дует, дело бабам сулит, а мужик глядит, что-то будет.

Матушка вся в заботах, куличи печёт и яйца красит. Скоро для всего христианского мира Праздников Праздник придёт, день, когда Распятый Христос, смертью смерть поправ, воскрес из мёртвых.

В Чистый Четверг, день перед распятием, всем надо в жаркой бане попариться, смыть свои грехи и после всенощной службы принести из церкви горящие свечи и выжечь святым огнём кресты на дверях и потолках своих домов.

— Этот святой крест, Илюша, для сатаны и злых духов — смерть смертная, — перекрестилась Ефросинья, а про себя горестно подумала: «Эх, кабы я это до Илюшиного рождения знала, не сунулся бы сюда змей окаянный и не испортил бы сына моего...»

— А правда ли, что Христос воскресший сейчас по земле ходит?

— Истинная правда, Илюша, — широко и торжественно перекрестился отец, — а сатана, враг рода человеческого, до самого Вознесения Христа в аду ничком от страха будет лежать и не шелóхнется.

— А вдруг Христос к нам придёт? — тихо спросил Илья.





— Что ты, Господь с тобой! — испуганно вскочили с лавки отец с матерью. — Слова-то какие дерзостные говоришь! А дерзость страх Божий из души изгоняет.

— Да чего вы испугались-то? — удивился Илья.

— Ага, «чего»! — рассердился отец. — Ну, придёт Он, положим, глянет на нас, убогих, светлыми очами и скажет строго: «Вот вы где, грешники, тараканами затаились! А ну, выходи на суд!»

— Да какие же вы грешники? — удивился Илья. — Не убили, не украли, не обманули ни одной души.

— Что ты, что ты, Илюша! — машет руками мать. — Безгрешны только Бог и Ангелы Его. Мы же грехами, как куры перьями, утыканы.



А вот уж кукушки и сизые галочки в дремучий муромский лес прилетели. Пробудили своими криками небесного Илью Пророка и отдали ему райские ключи. Седой Илья, громыхая, отпер ими небо, и хлынули на землю майские дожди. Живая эта вода смыла и утопила с лица земли всё злое, мерзкое, греховное и напоила её божественной влагой.

И вновь, как в первый день создания, стала земля молодой, пахнувшей травами красавицей. Видно,





недаром при крещении людей в святую воду окунают. Только она может смыть с души все прежние грехи и возродить к новой, чистой жизни.



В начале мая, оглушённый пением тысяч невидимых в ночи соловьёв, Илья, блаженно зажмурившись, думал: «Нет, ни в заморских странах, ни в славном Киеве таких певцов не слышали. Только в Муроме эта радость живет».

А вот уж лягушка квакает — овёс скачет, комары зазвенели, скоро огурцы сеять. Вокруг Мурома нежно-зелёные ковры расстелились.

— И муравы такой духовитой нигде нет, — выглядывает в отворенную дверь Илья, — недаром, видать, Муром наш Муромом назвали.



Лето в зелёном сарафане по весенним разливам на челноке приплыло. Святая Троица тихо с неба спустилась, и теперь все три богоносных Ангела в каждом доме незримо за столом отдыхают.

Кузнечики на жаре раскопались. Всем лето пригоже, да макушка тяжела. Скотина, задрал хвосты,





по полям носится — оводы-аспиды заели. На зелёные июльские луга Козьма и Дамиан пришли — все на покос отправились.



На Казанскую Божию Матерь Ефросинья из лесу черницы в лопушке, как когда-то Улита, Илье принесла. Грустно улыбнулся Илья и сказал чуть слышно:

— Пошли, Господи, счастья рабе твоей Иулите и... рыжему, конопатому суженому её.

А они будто услышали и на Ильин день пришли Илью с Днём ангела поздравить. А он им обоим, нежданно для себя, так обрадовался — до сумерек из избы не отпускал.

А в полях уже хлеб заколосился.

— Кукушек чего-то не слышать.

— Да они, Илюша, житным колосом подавились, — смеётся отец, — столько хлебу уродилось, прямо беда.

— Эх, не могу я тебе помочь, батюшка...

— Не кручинься, сынок! Столько добрых людей мне подсобить обещались — не счесть. Будем зимой с хлебом.

А вот Борис и Глеб — поспел хлеб. Все, даже дети малые, в поле. Один Илья в избе. Задумчиво крутит





меж пальцев второй узелок на бечеве от креста, на то место насторожённо поглядывает, где в прошлый раз святой Глеб стоял. Вдруг в свой день придёт и спросит: «Ну, Илья, усмирил ли гордыню свою?» Что ответить?

В тревожном ожидании день мимо прошёл. Только ночью Илья вздохнул с облегчением, не надо пока ответа держать, не готов ещё...



Осенины в яркий сарафан землю вырядили, и настало бабье лето. Полетели неведомо куда, на тёмные воды или прямо на небо, журавушки, стрижи и касаточки, а ласточки, сказывают, сцепившись ножками, в реках и озерах от зимы прячутся.

— Всякому лету аминь, — вздохнула Ефросинья, — и у нас похороны на дворе.

— Да ты что, матушка! Какие похороны?

— Да не пужайся, Илюша: тараканьи. На-ка вот, выдолби в репке серединку. Мы в неё мух уложим и тараканов, сколь наловим, и будет им в этом гробу смерть на всю зиму.

— У этих горе, а у коров праздник: быки в гости пожаловали, — озорно щурится отец. — На весь Муром ревут от радости.





Листопад октябрьскую хлябь засыпать торопится, чтобы Божия Матерь Свой Небесный покров не на грязь постелила. И когда в октябре Илья будто впервые увидел чудесное, блистающее на траве небесное покрывало, а на нём серебряную, от инея сверкающую иву, со страхом перекрестился, решив, что это Сама Богородица во дворе стоит.

Торопливо вытирая неожиданные слезы, глядел могучий Илья на это чудо и шептал:

— Матушка, Матушка моя! Жизни за Тебя не жаль...

Ещё несколько долгих лет минули. Илье уж тридцать. Борода густая, тёмная, плечи богатырские, а в глазах свет, покой и мудрость. Эх, кабы ноги его каменные такими же податливыми стали, как душа! А душа его за эти годы много к Богу подвинулась.

Тёплый августовский сумерек на порог тихонько присел, в избу осторожно заглядывает, а войти боится. Там смоляная лучина потрескивает, она сейчас в доме хозяйка.

Матушка с отцом ушли в церковь. Сегодня светлый праздник — Преображение Господне, а Илья сидит под образами и задумчиво глядит на маленький тёплый огонёк, и вот он уже не здесь, на постылой лавке, а там, за далёким морем, в горах...





И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илья с Моисеем; и беседовали с Иисусом. При сем Петр сказал Иисусу: Раввѣ! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илии. Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте. И, внезапно посмотрев вокруг, никого более с собою не видели, кроме одного Иисуса. Когда же сходили они с горы, Он не велел никому рассказывать о том, что видели, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых. И они удержали это слово, спрашивая друг друга, что значит: воскреснуть из мертвых (Мк. 9, 2–10).

Внезапно в тишине громко скрипнули ступени, и кто-то сказал из-за двери:

— Эй, люди добрые! Пустите Христа ради паломника переночевать.

— Входи, входи, мил человек, — обрадовался Илья.

В избу бодро шагнул маленький сухонький старичок с длинной седой бородой, поставил у стены посох и снял пыльный колпак. Илья невольную улыбку





ладонью прикрыл — голова старика на облупленную крашенку стала похожа, снизу, до бровей, коричневая от загара, а острая лысина — нежно-белая.

Трижды перекрестился дед, поклонился в пояс, весело глянул на Илью и сказал:

— Ну, Илья, чем путника дорогого-нежданного угощать будешь?

— Да откуда ты меня знаешь? — удивился Илья.

— Э-э, пока из Киева шёл, столько людей повидал-послушал! А муромский люд всё про твое страстнотерпное сидение много рассказывал.

— Эка чего удумали! — смутился Илья.

— Да ты не красней, как девица. Подвиг твой людям нужен. Да... Вот я где, думаешь, побывал? В самом Киево-Печерском монастыре. Тамошние старцы-монахи своей праведной жизнью такие Божии чудеса являют, что наше житьё рядом с ними одно вяканье и ковырянье.

Илья недоверчиво усмехнулся.

— Истинную правду говорю! — торопливо перекрестился дед. — Я бы тебе такого порассказывал, да только вишь какое дело — рассказывалка моя проголодалась.

— Ах ты, Господи! — всполошился Илья. — Что ж это я, недотёпа! Возьми, дедунь, в печи чего хочешь и ешь вдоволь.





А старичок, видать, исполнительный был, с первого разу такие просьбы беспрекословно исполнял. Мигом из тёплой печи ухватом горшок каши выволок, хлебушек из тряпицы развернул, луковицу скоро очистил, перекрестился, и пяти минут не прошло, как полгоршка в своё тщедушное тело уместил. Ложку облизал, крошки со стола в ладонь смахнул и туда же, в «рассказывалку».

— А теперь, — говорит, — слушай, Илюша, истинные сказания про Печерских чудотворных старцев.

И так строго на Илью глянул, что он невольно на лавке выпрямился.

— Преподобный Антоний, тот, что основал этот монастырь, сначала на Афонскую Святую Гору пришёл и так воспламенился любовью к Богу, что стал умолять тамошнего игумена постричь его в монахи. А игумен, предвидя его будущую святую жизнь, постриг его.

Прошло немало времени, призывает этот игумен Антония и говорит: «Было мне нынче повелено от Бога: иди тебе на Русь, в Киев. Иди с миром».

Он и пошёл и возле Днепра на высоком холме нашёл себе пещерку, что некогда варяги выкопали, сотворил молитву и поселился тут. И такую строгую жизнь сам себе назначил, что все, кто про это





узнавал, приходили его жалеть. Он же ничего у них не брал, а только денно и ночью молился и через день немного сухого хлеба с водой съедал.

Стали приходящие возле него селиться в пещерах, и тогда же пришёл ещё один великий подвижник — Феодосий. Было ему 23 года. Мать же никак не хотела видеть сына монахом, запирала на ключ, а если всё же он убегал, ловила и прилюдно била.

И не только одного Феодосия били.

После смерти благоверного князя Ярослава на престол сел Изяслав, и в это же время пришёл в пещеры блаженный Варлаам, сын сильно богатого боярина Иоанна, и говорит: «Постригите меня в монахи, святые отцы». Ну они, согласно его желанию, и постригли.

И тут, Илюша, богатый отец его так озлился, что пришёл со многими слугами и с великой яростью разогнал монахов во все стороны, а сына своего, блаженного Варлаама, извлёк из пещеры на свет Божий, сорвал с него убогие монашеские одежды и, облёкши в богатое боярское платье, поволок в свои палаты.

И князь Изяслав тоже разгневался на Антония и тотчас приказал все пещеры раскопать. Но княгиня его, добрая душа, умолила не гневить Бога, оставить старцев на месте.





Что он и сделал. И Антоний с братией ещё сорок лет в пещерах прожил, больных исцелял и пророчествовал. И всё сбывалось, как он предрекал.

— А что сбывалось-то?

— Про многое не знаю, врать не буду, но вот однажды пришли к Антонию три князя Ярославича: Изяслав, князь Киевский; Святослав, князь Черниговский, и Всеволод, князь Переяславский, и говорят:

«Идём мы походом на половцев. Благослови, святой отец».

Антоний же, провидя судьбу каждого, проследился и ответил:

«Ради грехов ваших вы будете поражены варварами. Многие из воинов будут потоплены в реке, другие будут томимы в плену, а прочие падут от меча».

Что и сбылось на реке Альте. Войско наше побили, князя бегством спаслись, а поганые половцы по всей Руси рассеялись и принялись губить и разорять её...

Илья с такой яростью грохнул кулачищами по дубовой столешнице, что старичок со страха под самый потолок взвился, чуть было дёски головой не пробил.

— Ну нет, Илюша, — опасливо сказал дед, — ежели ты так серчать будешь, я, пожалуй, помолчу лучше.





— Да как же не серчать-то! — воскликнул Илья. — Уж сколько лет сыроедцы эти, как саранча, лезут, и никто им руки загребущие не укоротит.

— Не послал нам Господь пока такого сильно могучего богатыря, — вздохнул старичок. — Ну, слушай дальше, да не пугай больше, а то помру — и не узнаешь про чудеса-то.

Ну вот. С каждым годом святые отцы Антоний и Феодосий молитвами и постом всё более проклятого сатану побеждали и наконец сподобились неслыханного чуда.

Однажды нежданно-негаданно явились в монастырь из самого Царьграда четверо очень богатых церковных зодчих и спросили у святых старцев:

«Где хотите начать строить храм?»

Старцы переглянулись и говорят:

«Где Господь укажет. А мы не знаем».

«Чудная вещь, — удивились зодчие. — Время смерти своей вы узнали, а доселе не назначили места для своей церкви, хотя уже дали нам столько золота».

И показывают им целый мешок золота. А у монахов отродясь никаких денег не водится.

Тогда греки, видя, что старцы смущены, стали им вот что рассказывать:

«Однажды рано, при восходе солнца, к каждому из нас пришли благообразные юноши и сказали,





что нас зовёт Царица во Влахерну. Мы немедля пришли и увидели Царицу со множеством воинов вокруг и вас там же. И Она сказала:

“Хочу Я построить себе церковь на Руси, в Киве, и вот вам велю это сделать. Возьмите золото у этих праведников”.

И мы при многих свидетелях у вас это золото взяли. Потом Царица сказала, что Антоний при начале постройки отойдёт в вечность, а Феодосий пойдёт за ним на второй год.

Мы же спросили, какой должна быть эта церковь, а Царица приказала нам выйти на открытое место, и здесь мы увидели церковь, стоящую на воздухе.

И вот, — говорят греки, — через месяц после того, как золото у вас взяли, вышли из Царьграда в путь и к вам прибыли».

Тогда Антоний разъяснил всем, что Царица во Влахерне — Сама Пречистая Мать Божия, а те, кто золото давал, — Ангелы Небесные.

— Да как же Ангелы на старцев этих похожими оказались? — изумился Илья.

— Э-э, милый, про это один Бог ведает. Да... Ну вот, а греки-то не отстают, укажи им место под церковь — и всё тут.

Тогда Антоний говорит: «Мы три дня будем молиться, и Господь покажет нам».





И вот во время молитвы преподобному Антонию явился вдруг Ангел Божий и сказал: «Ты обрёл благодать предо мною». «Господи, — говорит со смирением Антоний, — сделай так, чтобы завтра на всей земле была роса, а на святом месте под церковь — сухо».

И на другой день нашли среди росы это сухое место, и, когда помолились всей братией, с неба вдруг сошёл страшный огонь и все деревья на этом месте выжег, а саму землю глубоко ископал.

Через три года предивную эту церковь во имя Успения Божией Матери построили. Святые старцы Антоний и Феодосий, как предсказала им Богородица, уже отошли ко Господу, и тут вдруг приходят из Царьграда иконописцы и говорят:

«Покажите нам старцев Антония и Феодосия, с которыми мы уговорились церковь расписать».

«О дети мои, — отвечает им кротко игумен, — невозможно их показать. Уж десять лет они на Небесах пребывают».

Ужаснулись иконописцы и говорят: «А кто же нам тогда золото дал? Из их рук при многих свидетелях получили».

Так вот, Илюша, иконописцам этим святые старцы после смерти являлись и денег дали.

Начали мастера расписывать церковь, и тотчас случилось дивное знамение. На виду у всех





на алтарной стене вдруг сам собой явился чудный образ Богоматери и засиял ярче солнца, так что иконописцы смотреть не могли и пали ниц. А когда опять глянули, то из уст Божией Матери вылетел белый голубь, покружил по церкви, подлетел к иконе Спасителя и исчез в его устах.

Вот так, Илюша, Святой Дух проявился в этой дивной, красоты неописуемой церкви.

— Хоть бы одним глазком во сне на неё глянуть, — тихо сказал Илья.

— Да почему во сне-то? Ты, Илюша, вот что, колотись, бейся, а всё надейся. В монастырь этот таких немощных калек привозили — не чета тебе, а как приложатся они к нетленным мощам святых старцев, куда их слепота, глухота и прочая напасть девались! Я вот сам, как думаешь, зачем столько верст в Киев и обратно протопал? Внучка у меня чахнуть стала. Змей ли окаянный её испортил или глаз чей чёрный, не знаю. Вот и несу ей оттуда, глянь-ка, святую просфору, в алтаре освящённую. Старцы сказали, если внучка с верой съест — исцелится.

Дед осторожно, как великую драгоценность, достал из-за пазухи белую тряпицу, развернул её и показал Илье маленький круглый хлебец, на котором были выдавлены крест и четыре буквы: ИС ХР. Потом так же бережно обратно за пазуху уложил,





а Илья заворожённо проводил глазами целебный хлебец, а потом нахмурился и отвернулся...

Из церкви вернулись отец с матерью и умолили сомлевшего от каши и усталости старика ещё что-нибудь про пещерских старцев рассказать, когда, мол, ещё такие знатные сказители мимо пройдут.

— Ладно, — говорит польщённый дед, — так и быть, поведаю вам про Григория-чудотворца, что получил от Бога победу над бесами.



Как-то враг-диавол замыслил пакость учинить, но, не будучи сам в силах Григорию что-либо сделать, напустил на него злых людей. И вот однажды пришли по его наущению воры и влезли ночью к Григорию в вертоград, где он зелень сеял. Наполнили овощами свои мешки, а когда уйти хотели, то не смогли сдвинуться с места и так стояли два дня и две ночи, угнетаемые ношей.

Наконец стали вопить:

«Отче святой Григорие! Пусти нас! Мы покаемся в грехе своём и более никогда не пойдём на такое дело».

Пришли черноризцы, хотели стащить их с этого места и не смогли.

«Как вы сюда пришли?» — спрашивают.





«Уже два дня и две ночи здесь стоим!» — вопят воры.

«Мы каждый день здесь проходили и не видели вас».

«Да и мы вас не видели! — плачут воры. — Если б видели, умолили бы спасти нас. Но вот уже изнемогли совсем и просим молить Григория о нас».

Пришёл преподобный Григорий.

«Прожили вы, — говорит, — жизнь свою празднo, воровством занимаясь, так вот и стойте праздными до конца жизни вашей».

Кое-как бедные тати, со слезами горькими, себя проклиная, умолили старца сжалиться над ними и обещали на братию в вертограде до скончания жизни трудиться.

Что и выполнили.



— Какие чудеса на свете водятся! — всплеснула руками мать.

— А мученики-страстотерпцы среди этих старцев были? — осторожно спрашивает отец.

— Как не быть! Только ты, Илюша, Христа ради столешницу кулачищами своими не круши более, сейчас опять про поганых половцев сказывать буду.





Ну вот. Когда лет тридцать назад злочестивый Боняк, хан половецкий, с войском своим пленил Русь, ворвались они злыми волками и в Печерский монастырь. Всё дочиста ограбили, церковь осквернили и тридцать иноков в плен взяли.

— Да как же Господь попустил такое? — не выдержал Илья.

Старик только руками развел:

— Знать это никому не дано. Был среди пленных Евстратий-постник, и продали их всех в греческую землю, в град Корсун, некоему жидовину. Богопротивный этот жидовин стал принуждать пленников отвернуться от Христа, а когда они отказались, заковал всех в железо и стал морить голодом.

Тогда Евстратий, укрепляя дух пленников, сказал: «Братия! Кто удостоился принять Крещение и верует во Христа, пусть не окажется отступником от Него и нарушителем данного при Крещении обета».

И все пленники решили пострадать за Христа, лишь бы не быть иудами.

Через четырнадцать дней все иноки один за другим умерли от голода. Остался один Евстратий. Тогда жидовин тот, распалясь яростью, ведь из-за Евстратия лишился он золота, истраченного на рабов, на Святую Пасху пригвоздил его, как Христа, ко Кресту.





Старик с опаской глянул на бледного, с пылающими глазами Илью и продолжал:

— А Евстратий, не евший и не пивший уже пятнадцать дней, оставался ещё живым и говорил с креста: «Великой благодати сподобил меня Господь сегодня, пострадать за святое имя Его на кресте, как и Он за нас страдал. Но ты, распявший меня, и окружающие тебя ужаснётесь, и праздники ваши обратит Господь в плач».

Услышав это, душимый злобой жидовин схватил копьё и пронзил пригвождённого.

И тотчас показалась огненная колесница, и огненные кони вознесли ликующую душу Евстратия на Небо. А святое тело его жестокосердный мучитель бросил в море, и никто не смог найти его.

Через несколько лет неведомо как святые мощи Евстратия оказались в монастырской пещере, а отмщение злодеям в тот же день исполнилось. Всех греческий царь перебил...

Старик вдруг сонно качнулся, мягко повалился на лавку и засвистел носом так, будто и не нос это был, а свирель скоморошья.

— Сомлел, сердешный, — улыбнулась мать. — А худющий-то, хоть самого в пещеру клади.

Не спал Илья в эту ночь. Новый, чудесно-святой мир узнал он и теперь был душой там, в таинственном





пещерном монастыре, где, казалось ему, слышал простые, мудрые слова старцев, кивал головой, беззвучно шептал что-то, яростно сжимал кулаки, крестился и наконец под утро, когда на небе Божии огоньки погасли, так сидя, и уснул.

Когда же очнулся, старика уже не было, а рядом на лавке лежал маленький белый сверток.

— Когда дед-то утром уходил, — рассказала мать, — поглядел он на тебя спящего долго так и сказал непонятно: «Ему нужней будет».

Осторожно развернул белую тряпицу Илья, а в ней та самая святая просфора!

— Да ведь это он хворой внучке нёс, — охнул Илья. — А мы и звать-то его как не спросили...

«Русь-русь-русь...» То ли жаворонок в траве пропел, то ли Ангел с неба шепнул...

Тридцать лет и три года минуло, как приковал окаянный змей Илью Муромца железными оковами к дубовой скамье.



Тридцать три года Христу было, когда распяли Его на Кресте, и вот сегодня в полночь вновь, как тысячу лет назад, воскрес Он из мёртвых, и вновь Ангелы Его вострубили: «Христос воскресе, смертию





смерть поправ! Смерть, где твоё жало, ад, где твоя победа?!»



Нежная заря на алых конях солнце на небо вывезла. Улыбнулся Илья, толкнул дверь ухватом, весной подышать, а в тёмную горницу вместе с розовым утром стремительно влетела ласточка.

У Ильи от неожиданности ухват из рук выпал, а ласточка облетела избу три раза и вдруг села ему на плечо. Илья будто окоченел, дышать перестал, а сердце в груди так громко застучало, что взмолился он про себя:

«Господи! Уйми сердце моё. Так грохает, боюсь, испугается и улетит твоя вестница».

А ласточка, несколько не страшась, быстро глянула на Илью своим глазом-бусинкой, смело склевала из бороды хлебную крошку и выпорхнула из избы.

— Господи! Славлю Тебя, — прошептал, волнуясь, Илья, и в тот же миг яркий, неизреченный свет вспыхнул перед ним и затопил нестерпимым сиянием всю избу так, что Илья зажмурился и руками глаза закрыл.

А из этого неземного света раздался сильный, небесный голос:





— Истинно говорю тебе, ныне исцелён будешь и славу обретёшь на земле, яко Илия Пророк на небеси, ибо власть даю тебе наступать на змея и на всю силу вражью, и ничто не повредит тебе!

— Прости, Господи! — в ужасе воскликнул Илья. — Не могу из-за немощи пасть перед Тобой, а глядеть на Тебя не смею, боюсь, ослепну.

— Невозможно человеку во плоти видеть Меня. Но вот апостолы Мои да пребудут они с тобой!

— Блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие Его, — твёрдо сказал другой голос. — Открой глаза, Илья, не бойся.

Осторожно отвёл он от лица руки и видит — свет исчез, а перед ним в блистающих одеждах стоят седебородые апостолы Павел и Пётр.

— За терпение своё и веру сподобился ты сегодня видеть Божественный свет и слышать голос Спасителя, — сказал святой Пётр. — А теперь выпей святой воды, — и подаёт ему деревянный ковш.

Поражённый чудесным видением, поднёс Илья дрожащими руками ковш к сухим губам и отпил глоток.

— Теперь вставай, — приказал апостол. — Вставай с верой, ибо исцелён ты ныне по Слову Божию.

Илья побледнел как мел, перекрестился и медленно встал.





И тотчас в глубоком подземье за Муромом завыл в смертной тоске окаянный змей. Ведь это его погубитель на ноги встал.

— Иди! — не дав Илье опомниться, сказал Пётр. И свершилось чудо!

Илья, покачиваясь, как младенец, не умеющий ходить, выставив вперёд руки, медленно пошёл к открытой двери, а когда упёрся в косяк, высунул наружу мокрое от слёз лицо и крикнул во всю моченьку:

— Господи!! Слава Тебе!!

В тот же миг апостолы растаяли в воздухе, а люди, шедшие из церкви, как увидели стоящего на крыльце Илью, так и застыли посередь улицы с открытыми ртами. Когда же опомнились, бросились врассыпную, крича на весь Муром: «Чудо!! Чудо Господь явил нам!!»

До поздней ночи в избе у Ильи толпился народ. Приходили, с недоверием разглядывали, даже щупали его и, затаив дыхание, в который раз слушали о чудесном свете и голосе Спасителя и вдруг, не сговариваясь, начинали дружно, со слезами петь хвалу Господу...

До красной осени Илья, не давая отдыха ни себе, ни земле, с упоением пахал, боронил, сеял, жал, молотил, корчевал в одиночку здоровенные кряжистые дубы под новые пашни. Родители его сторицей за долготерпение награждены были, такого





помощника Господь им на старость послал. Только после дня светлого тёмна ночь настаёт, а после тихой радости — печаль непрошенная.

Последний воз ржаных снопов нагрузил Илья на терпеливую лошадку и отправил с отцом домой, а сам к рощице пошёл из родника попить.

Пьёт, зубы морозит и думает: «Чудно как, земля тёплая, а по жилам её такая студёная кровь бегаёт».

Вдруг слышит — кто-то фыркнул сзади. Обернулся — стоит невдалеке за рябинкой могучий конь с косматой гривой и густым, до самой земли, рыжим хвостом. К широкому седлу боевые доспехи приторочены: тяжёлый, широкий меч, тугой лук с калёными стрелами в колчане, шишковатая пудовая палица, острое копьё, красный щит с золотым солнцем и богатырский шлем.

— Ай да конь! — ахнул Илья. — А где ж хозяин-воин?

Кликнул — нет никого, только эхо отозвалось.

— Видать, уснул богатырь.

Ещё на рыжего красавца полюбовался чуток, вздохнул и пошёл себе. А конь-то за ним! За рубаху зубами крепко ухватил и не пускает.

— А ну, не балуй! — вырывается Илья. — А то гляди, оседлаю и до Мурома скакать заставлю. Не жди пощады тогда!





А конь будто этого и ждёт. Кивает гривастой головой: садись, мол, Илюша, погоняй меня сколько хочешь, для меня эти муки — мёд сладкий.

Крякнул Илья: ну что ж, раз так, взлетел в седло, сунул широкие лапти в медные стремяна да как гикнет, как пришпорит рыжего! Выше роци взвился чудо-конь и пошёл скакать по три версты, через реки и горы перескакивать, а где копытом о землю стукнет, там тотчас родник забьёт.

До сих пор эти ключи живы и зовутся «конь-колодец».

Не успел Илья опомниться, а под ним уже Днепр серебром сверкает, а на высоком холме из густого леса чудная церковь робко выглядывает.

— Да ведь это Киевский монастырь пещерный! — воскликнул Илья. — Вот не ведал не гадал чудо это увидеть!

Будто на крыльях, спустился с небес конь и у монастырских ворот встал как вкопанный. Вошёл Илья, перекрестившись, во двор, а навстречу древний старец-черноризец.

— С чем пришёл, раб Божий?

Поклонился Илья в пояс и говорит робея:

— К святым мощам приложиться хочу, отче, и совета у вас, старцев, спросить, как мне Господа отблагодарить за своё исцеление.





— А разве не указал Господь пути твоего? Вспомни, сказал Он: «Ибо власть даю тебе наступать на змея и на всю силу вражью, и ничто не повредит тебе!» (см. Лк. 10, 19). Посему и я, недостойный грешник, благословляю тебя, Илья, к Киевскому князю Владимиру на ратную службу идти. Когда же не сможешь более меча в руках держать, сюда в обитель придёшь, духовным мечом супостатов разить.

— Стало быть, конь этот и оружие мне посланы? — догадался Илья. — Ну, коли так, буду верой и правдой великому князю служить. Покажи, отче, где тут святым мощам Феодосия поклониться можно?

— Да считай, поклонился уже, — ласково улыбнулся старец и невидимым стал.

Что потом было с храбрым богатырем Ильёй Муромцем, как Русь жадным кочевникам в обиду не давал, как змею окаянному огненные головы нещадно рубил, как идолиц поганых булавой в землю вколачивал, как несчетных Соловьёв-разбойников бил без отдыху и гнал с родной земли — обо всём этом столько славных былин, песен и сказок сложено, что начнешь слушать — и заслушаешься, а вновь вздумаешь писать — и споткнешься: ведь лучше, чем народ о своём любимце сказал, не скажешь.

Когда же у Ильи от тяжёлых ран и седых годов не стало мочи бить неиссякаемые рати супостатов,





пришёл он, как и предсказал ему святой Феодосий, в Киево-Печерский монастырь. Знал он: не порвав с мирскими делами, не будет здесь угодным Христу, поэтому рóздал нехитрое своё богатство нищим и постригся в монахи.

Здесь, в пещерном монастыре, до конца своей удивительной и святой жизни продолжал Илья Муромец под Христовым знаменем неустанно биться с бесплотными врагами. А когда переселился духом на небо, честное тело его положено было в пещере, где и доселе пребывает в нетлении.

Уже семь веков не гаснет лампада у него в изголовье, а с тёмной иконы спокойно, с достоинством глядит на нас красивый русский воин.

Первого января мы чтим его светлую память. В этот день святой Илья Муромец ходит по всей заснеженной Руси, и, если вы зажжёте свечу и тихо помянете его, он незримо войдёт и будет верно охранять ваш дом от чёрного зла и неожиданной беды.

И так будет ныне и присно и во веки веков. Аминь.



СОДЕРЖАНИЕ

Душеполезное чтение 5

СМИРЕННЫЙ ВОИН

Вместо предисловия 19

Повесть о великомученике
Георгии Победоносце 22

Чудо Георгия о змие и другие чудеса святого..... 201

Любимый святой России 232

Молитва святому всехвальному
великомученику Георгию 240

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ И ТРИ ГОДА

Вместо предисловия 243

Повесть о святом Илье Муромце 245

Молитва святому преподобному
Илии Муромцу 304

МУРОМСКОЕ ЧУДО

Вместо предисловия 309

Повесть о благоверных князе Петре
и княгине Февронии..... 314





Кто же такие Пётр и Феврония?	357
Молитва святым благоверным князю Петру и княгине Февронии Муромским	365

СВЕЧА НЕУГАСИМАЯ

Вместо предисловия	369
<i>Глава первая</i>	
Наедине с Богом.....	371
<i>Глава вторая</i>	
Игумен земли Русской.....	475
Новые чудеса преподобного Сергия	571
Тайна мощей преподобного Сергия	593
Молитва святому преподобному Сергию Радонежскому	604

